

10. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота : в 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 3.

11. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.

12. Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337.

Л. В. Маштакова

г. Екатеринбург

Система женских образов-мифологем и их метаморфозы в сборнике Вячеслава Иванова «Cor Ardens» (первая часть)*

«Вячеслав Иванов — самый серьезный теоретик и самый необычный, “экзотический” поэт символистской школы», — как сказал Томас Венцлова [2, с. 67]. «Поэзия Вячеслава Иванова — поэзия, в которой символ — не декоративный атрибут, создающий «атмосферу», но основание, на котором возводится постройка», — писал, в свою очередь, С. Аверинцев [1, с. 43]. Это своеобразная замкнутая система символов, подчиненная определенной логике, поэтому у Иванова в принципе нет таких символов, каждый из которых не требовал и не предполагал бы другого; нет двух символов, которые не были бы связаны цепочкой смысловых сцеплений.

Но Иванов — это еще и поэт-мифотворец. Так, многие символы в его произведениях вырастают до мифа, мифы переплетаются, переходят один в другой, трансформируются, претерпевают определенные метаморфозы, т. е. системность проявляется и на уровне мифа.

В составе каждого сборника Иванова можно выделить ряд символических линий, вокруг которых выстраивается содержание книги, ее сквозной лирический сюжет. Одной из таких символических линий-мифологем в первой части третьего сборника лирики поэта «Cor Ardens»

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение № 14.А18.21.0999.

(1911–1912) является сборный женский образ, условно обозначенный нами как София или Мировая Душа (такие номинации используют многие исследователи, имея в виду популярность в среде символистов софийной философии В. Соловьева). У последователей Соловьева София зачастую ассоциировалась с конкретными женщинами, наиболее известный пример здесь — А. Блок и Прекрасная Дама, Вечная женственность его стихов — Л. Д. Менделеева. Для Иванова воплощением Софии также стала его жена, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, влияние которой на творчество поэта безусловно. Сам нравственный пафос Иванова, влекущий его к отождествлению поэтического текста и жизни, обуславливал повышенную значимость в его произведениях женских образов-символов.

Достаточно четко они делятся на две части: более динамичные, связанные с весной, солнцем, утром и соответствующей тональностью стихотворений (это Менада, Диана, Персефона), и более статичные, связанные с осенью, закатом, задающие спокойную, часто минорную тональность стихотворений (это Диотима, Кассандра, Сивилла, Змея, Сестра, Ариадна, Церера).

Сборник «Cor Ardens» открывает стихотворение, озаглавленное «Менада». Менада (так называли на «средах» Иванова Зиновьеву-Аннибал) здесь — символ начала жизни, это путь к речи от безглагольности, к влаге от камня, рождение бога Диониса, начало дионисийских безумств, «живого огня»:

Скорбь нашла и смута на Менаду;
Сердце в ней тоской захолонуло.
Недвижимо у пещеры жадной
Стала безглагольная Менада.
Мрачным оком смотрит — и не видит;
Душный рот разверзла — и не дышит.
И текучие взмолились нимфы
Из глубин пещерных на Менаду:
«Влаги, влаги, влажный бог!...» [4, с. 221]

Разгулявшаяся стихия набирает обороты, родившийся Дионис, Дионис мистериальный «Солнца-Сердца», превращается в «Вакха браней», в «пьяный пламень» циклов «Суд огня» и «Година гнева». Последние писались в 1905 г. Дионисийское пламя, в духе Иванова, мыслящего диалектически, целыми эпохами, переносится в актуальное для него время и становится пламенем российского пожара 1905 г. Так прочерчивается пророческая линия:

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей — Сивиллой... [4, с. 258]

Сивиллы — в античной культуре пророчицы и прорицательницы, экстатически предрекавшие будущее. «Вот и ты преобразилась», — говорит Иванов о Менаде в одном из стихотворений этого времени.

Но катастрофа «годины гнева» не безысходна, и выход видится в уходе от реальности:

В тайник богатой тишины
От этих кликов и бряцаний,
Подруга чистых созерцаний,
Сойдем под своды тишины... [Там же, с. 250]

Если в начале книги доминируют весенние образы, общее настроение сравнимо с весенними Дионисиями, то последние циклы несут «осеннюю окраску» и умиротворенный тон. Это земные образы, связанные с тайной бытия и ее постижением. Так появляется Сестра — призрак, мираж, в отличие от реальной орлицы-Сивиллы, сродни Незнакомке Блока, некий проводник в «зачарованную даль», в иные миры.

Но Сивилла порождает и другой образ, имеющий сугубо земное наполнение и античную семантику осени, — Цереры. С ней связан последний цикл первой книги — «Повечерье». Это олицетворение земного умиротворения «Моя любовь — осенний небосвод», — пишет Иванов [4, с. 260]. Герой и его Сивилла находят покой в конце первой книги.

...И благодать темных вод
Творит вино божественных свобод
Причастием на повечерьи мира... [4, с. 264]

Книга вторая в символическом плане сложнее, образы и символы многозначнее, логические цепочки чаще скрыты. Названа она «Speculum Speculogum. Зеркало зеркал», т. е. герой идет от познания к самопознанию, от пламени сердца (книга первая) — к холоду зеркала, в котором можно яснее увидеть себя. Ключевым женским образом здесь становится Диана.

Первоначально Диана почиталась как богиня Луны. В лунном календаре каждой фазе Луны соответствует свой мифологический архетип: Селена — богиня женственности; Артемида — символ девственной чистоты; Гера — символ материнства (возможно, Диана — это богиня,

изначально близкая Гере и перенявшая позже признаки Артемиды); Деметра (Церера) — символ заботливой матери; Персефона — богиня подземного мира; Геката — темная лунная богиня, «волшебница». Все названные имена встречаются в «*Cog Ardens*». Так, можно сопоставить Селену с изначальной, безглагольной, девственной Менадой; кровавую Артемиду — с Менадой безумной, сходной с Дианой, более полным образом; Деметра как имя фазы луны имеет римское имя Цереры — героини «Загорья»; Персефона сродни ивановской Сестре, мистической девушке-проводнику; Геката — то же, что и Диана, обратная сторона полнолуния, темная сторона всей Луны, это и вершина, и возврат к началу, «жестокая смерть и великая мать», по настроению же с ней схожа Сивилла, «клекочущая» в мрачном городе об апокалипсисе. То есть Диана — это не только одна из фаз, но и некий общий образ, объединяющий все предыдущие, конец и начало, Селену и Гекату. Далее, как и в первой книге, автор обращается к русской, славянской культуре, поэтому Диана получает новое воплощение — Зари-Заряницы, то девы, то жены-царицы, связанной также с луной, месяцем.

Один из ключевых образов третьей книги — Змея. По словарю символов Тресиддера, змея — «наиболее существенный и сложный из всех символов, воплощенных в животных, и, возможно, самый древний из них» [5, с. 175]. Поэтому в значениях этого символа находим смерть и хаос, но одновременно и жизнь, основу мироздания. В книге третьей, наряду с обращениями героя к змее, — стихотворения, посвященные Диотиме (еще одно имя Зиновьевой-Аннибал на ивановских «средах»). Таким образом, стоит говорить если не об отождествлении, то о сходности Диотимы как образа мудрой женщины и Змеи как символа этой мудрости. В этой наисложнейшей символической ипостаси Вечной Женственности сходятся все ее метаморфозы, т. е. все указанные мифологемы оказываются вписаны в определение символа Змеи, «жены и матери земной».

К первой части «*Cog Ardens*» примыкает и цикл «Золотые завесы», который писался в 1907 г., а его биографическая основа, как считает Р. Е. Помирчий, отражает сложные отношения трех героев: Иванова, Зиновьевой-Аннибал и М. В. Сабашниковой. Сам Иванов о цикле, его суги и названии говорит так:

Единую из золотых завес
Ты подняла пред восхищенным взглядом,
О Ночь-садовница! И щедрым садом
Раздвинула блужданий зыбкий лес... [4, с. 336]

Цикл разительно отличается от предыдущих стихотворений «Эроса», обращая читателя к реальному облику реальной женщины, единомышленницы и музы. «Сирена Маргарита» — новый значительный женский образ, в какой-то мере противопоставленный Менаде-Сивилле. Она сравнивается с Марой, Майей, Амфитритой и воплощается в легких образах молодой девушки-призрака, почти лишенной телесной оболочки, — не Жены, не мудрой Змеи, не единого глубинного женского начала. Эти образы обрамлены розами и лилиями, символизирующими Диотиму и Маргариту. Лилия, по словарю Тресиддера, — символ чистоты и невинности, а также в древних традициях ассоциируется с эротической любовью. Роза — символ сердца, центра мироздания, космического колеса, божественной, романтической и чувственной любви; гирлянды из роз украшали праздники в честь Диониса [4, с. 370]. Роза становится символом, одновременно связанным и с основой Бытия, и с дионисийством. Роза и лилия здесь и родственны в своих значениях, и противопоставлены друг другу.

Таким образом, первая часть «Cor Ardens» заканчивается познанием героем самого себя, постижением глубинных смыслов бытия во всех его сторонах и гранях. Оно невозможно для поэта без влияния женщины, на что указывал Н. Бердяев: «В Вас я очень сильно чувствую вот что: тайна вашей творческой природы в том, что Вы можете раскрываться и творить только лишь через женскую прививку, через женщину-пробудителя. Творческое начало в Вас падает без взаимодействия с женской гениальностью» [3, с. 122]. Менада, начало пути, дионисийское безумство, переходит в Сивиллу, в мрачное пророчество, которая, в свою очередь, воплощается в Диане, глубоком мистицизме, и Церере — земном спокойствии. Образ Дианы усложняется далее, вырастая до образа Змеи — основы мироздания, и дополняется параллельным легким образом девушки-призрака, Мары, Маргариты, объединяя два начала: женственность, материнство и невинность, юность; розу и лилию.

1. *Аверинцев С. С.* Системность символа в поэзии В. И. Иванова // Контекст-1989. М., 1989.

2. *Венцлова Т.* Вячеслав Иванов и кризис русского символизма // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Статьи о русской литературе. Vilnius, 1997.

3. Вячеслав Иванов : материалы и исслед. М., 1996.

4. *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия : в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1.

5. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М., 1999.